

МИМОДУМНОСТИ

«М

НЕ МАРИОНЕТКА представляется последним отзвуком какого-то благородного и прекрасного искусства былой

цивилизации», — шепнул как-то сэр Гордон Крэг на ухо Резо Габриадзе в 1908 году и стремительно удалился. Он удалился, а Габриадзе остался — и в своем новом, изысканном и удивительном спектакле «Дочь императора Трапезунда» собрал осколки и отзвуки былых цивилизаций. В странном немом прологе «рыцарского романа» секундными бликами возникают античная статуя, Цезарь и Клеопатра, царь Дарий и Александр Македонский, гиом-пигмей Микеланджело рядом с великим творением своим — Давидом... А потом отзвуки эпох и времен — от Италии до Иудеи, от Англии до Трапезунда — будут сливаться воедино историей любви и в историю любви императора Кутанси Арчила, смыслом жизни которого была только его возлюбленная Блانشфлер-Этери, как смыслом жизни вообще может явиться только любовь.

Отзвук былых эпох

«Арчил, мы с тобой цари, но есть царь выше нас, имя ему — любовь. Только влюбленный царь становится поистине царем царей», — говорит царю Арчилу царь зверей Лев, прикованный цепью к царю инструментов — белому роялю. Когда-то была убита его любимая львица, и теперь ее шкура привязана ниточкой к роялю. «Я давно порвал бы цепь и вернулся в пустыню счастливой Аравии. Но моя любимая привязана ниточкой, и я не знаю, когда я возьму шкуру — что порвется — ниточка или шкура!.. В раздумьях об этом проходят годы, и сердца мои стареет, а шкура истлевает...». Под королевской пальмой Лев с человеческим лицом поет голосом Рамаза Чхиквадзе романсы...

И опять же. «Ты — царь, живи один, дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум...». Насчет Крэга знаю точно — нашептал, а вот как было с Пушкиным, которого Габриадзе обожает, рисует, с которым почитался, но, в общем, накоротке, — не знаю. Но пушкинской заповеди Габриадзе следует. И на сей раз его «свободный ум» подсказал: именно в тот момент, когда все переворотилось, в момент всеобщего хаоса, китча, смуты, кошмара, перед концом века и, может быть, концом света, во время тесной временной и территориальной (и чему Габриадзе привык, но такой глобальной пространственно-временной охват настиг его впервые), он делает прихотливый и простой, наивный и парадоксальный спектакль о том, что способно уцелеть в истории и памяти, — о любви. Любовь склеивает осколки разбившегося мира, собирает отзвуки цивилизаций в единый чистый звук жиз-

ни, и в конце спектакля, после всех походов, турниров, схваток и страданий, перед зрителями остается лишь прекрасная неподвижная женщина-рыцарь в латах, а вокруг нее кружит бабочка, а которой навеки воплотилась любовь Арчила и сама идея любви, на которой держится мир.

Творчество Р. Габриадзе «мимодумно» в самом высоком смысле (и слово-то это пришло как-то на ум именно в связи с искусством этого человека), ибо поразительны легкость и фантастическая свобода, когда прихоть воображения не требует обоснований. Вот и здесь: английскую принцессу почему-то зовут Блانشфлер, ее дочь, трапезундскую принцессу, — Ирика Комнен, а доблестный рыцарь Севастии Агропуло Ерусалимский изумительно движется в национальном осетинском танце. А вот какой-то тщедушный воин так легко и незначай пинает ножкой Пизанскую башню, что она навеки приобретает присущий ей угол падения...

Инопланетные, обосновавшиеся в Пармской области, говорят, телепатировали нашим исследователям, что уровень цивилизации определяется тем, сколько мерным пространством цивилизация владеет. Вот нам дано трехмерное — и все тут, а те, что прилетают к нам из созвездия Весов, владеют тридцатидвумерным. Иногда мне кажется, что Резо Габриадзе — откуда-то оттуда, а не от мира сего, поскольку владеет другими пространствами, объемами, мерами и глубинами, чем привычно нам.

Историю Арчила рассказывает в спектакле маленький человечек — Археолог любви, раскопавший эту прекрасную рыцарскую историю из глубин веков и груды исторического хлама. Сидя под телеграфным столбом с оборванными проводами, он читает стихи Галактиона Табидзе. Так и Р. Габриадзе, не надеясь на восстановление оборванных связей эпох и эмоций, извлекает из перенасыщенного раствора своих фантазий кристалл, играющий многими смыслами, оттенками, гранями. Он сам — Археолог, и «Дочь императора Трапезунда» — кукольный спектакль «большого стиля» и высокого поэтического смысла — можно бы назвать «Песня песней Резо Габриадзе»...

«Ныне все марионетки — лишь комик изкого пошиба», — шепнул мне на ухо сэр Гордон Крэг в 1908 году только потому, что в отличие от меня он не смог в середине марта 1990-го на три дня попасть в Тбилиси и еще раз увидеть театр Резо Габриадзе.

Марина ДМИТРЕВСКАЯ.